

ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ А.В.ДРУЖИНИНА «СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИВАНА ЧЕРНОКНИЖНИКОВА ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ ДАЧАМ»

© 2011 Е.В.Маклова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 05.06.2010

В статье рассматриваются эпиграфы в романе-фельетоне А.В.Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам», в том числе к неопубликованным главам, уясняется их роль как одного из средств авторской поэтики.

Ключевые слова: эпиграф, пародирование, роман-фельетон, клише, литературная игра.

Роман-фельетон «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам» был опубликован в июльской и августовской книжках журнала «Современник» за 1850 год. В это время, после революции 1848 года во Франции, в России установился общественный и цензурный террор. Как вспоминал М.Н.Лонгинов, «у писателей оказалось много свободного времени, которое они проводили в дружеских беседах»¹, нередко приправленных остротами, шутками и каламбурами.

Летом 1850 года Н.А.Некрасов жил в Парголове, где его навещали А.В.Дружинин, И.И.Панаев, В.П.Гаевский, В.А.Милютин, М.Н.Лонгинов и другие сотрудники «Современника». Плодом их досуга и явилось «Сентиментальное путешествие...». Сюжет произведения – поиски заглавным героем Иваном Александровичем Чернокнижниковым вместе с приятелем Шайтановым понравившейся ему девушки Тани, улетевшей во время праздника Эвтерпы на воздушном шаре, – давал возможность авторам показать дачную жизнь Петербурга, многообразие народонаселения, воспроизвести жанровые сценки.

Первые две части произведения (главы I – XXVIII) вызвали успех у читателей, и в сентябрьской книжке «Современника» должна была появиться третья часть. Но Панаев и Лонгинов, ознакомившись с напечатанными главами, пришли в негодование и потребовали от Некрасова прекращения публикации. Изъяты из публикации главы XXIX – XLI с пометами цензора и кого-то из авторов – Некрасова или Дружини-

на – сохранились в Российском государственном архиве литературы и искусства. В ответ на возможное недоумение публики вместо упомянутых глав в декабрьской книжке «Современника» за 1850 год появилось «Письмо Чернокнижника, служащее окончанием его походов», в котором герой признавался, что нашёл Таню, счастлив и пока ему не до описания походов. Объяснение Чернокнижника заканчивалось восторженными «письмами» читателей, взятыми из неопубликованной XXIX главы. До настоящего времени (исключение – работы Т.Ф.Рябцевой, А.М.Бройде, Н.Б.Алдоиной) «Сентиментальное путешествие...» не являлось предметом специального изучения. Между исследователями нет единого мнения по вопросу о роли каждого из авторов в создании произведения, о его жанре. Не рассматривалась и поэтика романа.

В настоящей статье анализируется частная проблема – роль эпиграфов в произведении. Как известно, слово «эпиграф» происходит от греческого «эпиграф», что означает: надпись, цитата из известного текста, выражение с афористическим значением, пословица, предшествующая тексту. В современном литературоведении утвердилось определение эпиграфа как «красноречивого афористического выражения, цитаты или пословицы, использованной автором перед произведением или его части, которая содержит сконденсированную мысль произведения»². Эпиграф играет роль знака-сигнала. Слегка изменив слова И.А.Бунина о первой фразе произведения, можно сказать, что эпиграф – это аккорд, который задает тон всему повествованию.

Особая роль принадлежит эпиграфу в юмористических жанрах литературы как приему, иллюстрирующему литературную переключку эпох. По справедливому наблюдению Г.В.Зы-

⁰ Маклова Екатерина Владимировна, учитель русского языка и литературы школы № 133 г. Самары, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы.
E-mail: scorpio_34@mail.ru

¹ Лонгинов М.Н. Вместо предисловия (Листок из воспоминаний) // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. – СПб.: 1867. – Т. 8. – С. XI.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – С. 423.

ковой, обыгрывание чужого слова в русском фельетоне становится важным не сразу. Но в середине XIX века «реминисцентность, как и литературная игра вообще, становится отличительной чертой фельетона. Фельетонист любит «чужое слово» и потому, что, в отличие от беллетриста, занимает обычно позу рядового человека... И потому, что «чужое слово», введенное в иноприродный текст, позволяет создавать неожиданные контрастные, смысловые скачки...»³. Блестящий знаток отечественной и иностранной литературы, Дружинин был настоящим виртуозом в обращении с чужим словом, использовал самые разнообразные приемы введения его в собственные произведения. Как утверждает Н.Б.Алдонина, Дружинин «придавал большое значение эпиграфу в произведении. Он резко отзывается о писателях, потчевавших читателей «пустыми» или эффектными эпиграфами. Точно так же был противником доведения их количества до крайних пределов... В использовании эпиграфов Дружинин считал необходимым чувство меры. По мнению критика, они не только должны быть исполнены смысла, раскрывать содержание сочинения, но и возбуждать интерес к нему читателя»⁴. Этим принципам Дружинин следовал и при создании собственных произведений.

В полном объеме дошедший до нас текст «Сентиментального путешествия...» включает 41 главу. Почти все главы имеют по одному эпиграфу, и только три (VI, XXVI и XXVIII) предваряются двумя эпиграфами. Часть эпиграфов взята из зарубежной литературы. Так, к главе XII-й Дружинин подобрал эпиграф из II главы («Рассказ рыцаря») «Кентерберийских рассказов» Д.Чосера, к II, XV, XXXVI и XXVIII-й – цитаты из пьес В.Шекспира, к XVI-й – слова персидского астролога IX века Альбумазара, к XXVI и XXVII-й – из трагедии «Разбойники» и исторической драмы «Вильгельм Телль» Ф.Шиллера. Больше всего эпиграфов (главы IV, XVIII, XLI) взято из романа Ч. Метьюрена «Мельмот Скиталец». Две главы – VIII и XII-я – снабжены эпиграфами из романов «Квентин Дорвард» В.Скотта и «Барнеби Радж» Ч.Диккенса. Но большинство глав сопровождается эпиграфами, взятыми из русской литературы, – трагедии В.К.Тредиаковского «Деидамия» (глава XXIII), басни И.А.Крылова «Синица» (глава XXXII), романса Ф.Н.Глинки «Не слышно шуму городского» (глава XL). Эпиграфы представлены также цитатами из

произведений А.С.Пушкина (главы V, VII, XVII, XXVI), Н.В.Гоголя (главы VI, XXIX, XXXIII), М.Ю.Лермонтова (главы XI, XIV, XX), В.Г.Бенедиктова (глава XIX), Н.В.Кукольника (глава XXVIII), цитатами из рецензии на «Греческие стихотворения» Н.Ф.Щербины в августовской книжке «Отечественных записок» за 1850 год (главы IX, XIII).

Однако при установлении источника цитат часто возникают проблемы. В одних случаях Дружинин указывает название произведения, в других – ограничивается фамилией автора. Некоторые эпиграфы, возможно, принадлежат самому Дружинину. Это эпиграфы к первой («Начало трудно – слышал я не раз»), десятой («Действительность иногда ужаснее вымысла») и тридцатой главам: «Когда я был в городе Каптоуне!» (Один из новых путешественников, никуда не ездивший дальше Кексгольма и Выборга). Иногда указания носят расплывчатый характер: «Народная песня», «Из старинной немецкой хрестоматии», «Английская баллада». Подбор эпиграфов свидетельствовал о том, насколько широк круг источников романа-фельетона.

Первой – вступительной главе – предшествует эпиграф «Начало трудно – слышал я не раз». Глава заключает полемику с писателями «натуральной школы», наводнившими журналы описаниями Петербурга. В ней речь идет о петербургском фельетонисте, который две недели не был в Петербурге и по возвращении не мог надышаться дымом Отечества, стоя на мосту возле Исаакиевского собора. В отличие от подобного фельетониста, Дружинин избирает местом действия романа Гороховую улицу, одно из самых прозаических мест города. Чернокнижников берет извозчика, долго рядится с ним и приказывает везти себя в район дач на Минеральные воды, где происходит праздник Эвтерпы. Место действия, разговор с извозчиком являются пародией на литературные штампы писателей «натуральной школы».

Полемический характер начала произведения подметил сотрудник «молодой редакции» «Москвитянина» А.А.Григорьев. «Иногородний подписчик «Современника», – писал он, – несколько раз уже вооружался на школу этих повествователей, только вооружался вкривь и вкось... Ирония сцены с извозчиком пропала, стало быть, задаром устремлена на то, что не стоит иронии, на бездарные произведения, которых никто не читает»⁵.

Во второй главе «Причины путешествия и краткий разговор с привидением» излагается история жизни Чернокнижникова. Сознательно

³ Зыкова Г. Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. – М.: 2005. – С. 159.

⁴ Алдонина Н.Б. А.В.Дружинин (1824 – 1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: Монография. – Самара: 2005. – С. 280 – 281.

⁵ Григорьев А.А.). «Современник» в 1850 году // Москвитянин. – 1851. – № 3. Кн. 1. Отд. V. – С. 412.

нарушая хронологию, автор говорит о причинах, побудивших его к поездке. Перед нами молодой человек, обитающий в каморке четвертого этажа. Разочаровавшись в увлечениях белой и черной магией, он приходит к выводу, что смысл жизни – в любви. Герой видит во сне привидение, троекратно направляющее его на дачи. Бытовой сюжет контрастирует с высокопарным эпиграфом из трагедии В.Шекспира «Гамлет»: «Есть многое на свете, друг Горацио...» – словами Гамлета, обращенными к Горацио после разговора с призраком отца.

А.А.Григорьев пишет об этой главе так: «Здесь уже решительно непонятно, на что падает ирония... И на каком основании в начале дикой пародии поставлены слова Шекспира... Профанация литературной святости на всякого мыслящего человека производит тяжелое впечатление...»⁶. Преклонение критика перед Шекспиром было настолько велико, что он отказывался воспринимать его творчество в юмористическом контексте романа.

Бытовая комичность сюжета подчеркивает пародийное отношение автора к гипертрофированным страстям. Сама завязка «Сентиментального путешествия...» происходит по всем канонам рыцарских романов – появление рока в виде привидения, встреча с незнакомкой при таинственных обстоятельствах, поиски девушки, ее спасение от преследователя. Страсть к красноречию, которая часто заключается в обильном использовании литературных штампов, и высмеивает Дружинин.

В главе VII романа-фельетона («Продолжение шестой главы, в которой решается участь моего сердца») рассказывается полете на воздушном шаре таинственной незнакомки, вскружившей голову Чернокнижникову. Глава, крайне важная для развития сюжета, отличается обилием комических бытовых деталей, несоответствующих романтической ситуации. Так, главный распорядитель праздника Эвтерпы одет «в бутылочный фрак с зелеными пуговицами»⁷, а отказавшийся от полета на воздушном шаре вояжер – в «черную триковую мантию, усеянную серебряными блестками»⁸. Среди героев выделяются «господин с фиолетовым носом»⁹ и путешественница в «бархатных шальварах и атласной курточке»¹⁰. Обстановку балаганного зрелища дополняет поведение публики. Кто-то подает героине цветы, кто-то «советовал ей вы-

пить рюмку хересу или абсенту», кто-то «кричал «браво» до того, что щеки у него сделались красней моркови»¹¹. Физические страдания рассказчика также предельно уточняются: «Мне наступали на ноги, и я того не замечал, хотя имел на них преогромные мозоли, или мамзолеи, как говорил мой немецкий учитель»¹². Цветок георгина, брошенный девушкой, падает рассказчику на нос. Кто-то из публики под общий смех сбрасывает с его головы шляпу. «Но этот смех был смехом профанов, – пишет Чернокнижников, – никто из них не знал, чем было полно мое сердце, когда я догонял шляпу»¹³.

Эпиграфом к этой главе Дружинин избирает цитату из стихотворения Пушкина, посвященного А.П.Керн: «Передо мной явилась ты, / Как мимолётное виденье, / Как гений чистой красоты...». Не в силах скрыть возмущения, А.А.Григорьев писал: «Вы желали бы не верить глазам, но, к сожалению, это не так: девственно чистые, благоухающие строки гения служат вывескою харчевни... Вследствие этого, самую иронию невольно заподозриваешь в недобросовестности»¹⁴.

Эпиграфы готовят читателя к чтению романтического произведения, где есть и тема рока, и таинственные незнакомцы, и поиски спасателей. Тем больший контраст представляют они в контексте с реальным содержанием романа. Калейдоскоп цитат, производящий впечатление литературной буффонады, превращает читателя в единомышленника и собеседника автора, участника увлекательной литературной игры. Эпиграфы придают композиционную четкость началу произведения, выражают иронию автора по отношению к ситуации и служат интонационным обрамлением каждой из глав.

⁶ Григорьев А.А.). «Современник» в 1850 году // Москвитянин. – 1851. – № 3. Кн. 1. Отд. V. – С. 412 – 413.

⁷ Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. – СПб.: 1865. – 8. – С. 20 – 21.

⁸ Там же. – С. 20.

⁹ Там же. – С. 23.

¹⁰ Там же. – С. 22.

¹¹ Там же. – С. 22 – 23.

¹² Там же. – С. 23.

¹³ Там же.

¹⁴ Григорьев А.А.). Указ. соч. – С. 414.

**EPIGRAPHS IN A.V.DRUZHININA'S NOVEL «IVAN CHERNOKNIZHNIKOV'S
SENTIMENTAL TRAVEL ACROSS PETERSBURG
SUMMER RESIDENCES»**

© 2011 E.V.Maklova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

This article discusses the epigraphs in A.V.Druzhinin's feuilleton «Ivan Chernoknizhnikov's Sentimental Journey across Petersburg summer residences», including the unpublished chapters and also explains their role as one of the author's poetics.

Keywords: epigraph, parody, cliché, literary game.

^o *Ekaterina Vladimirovna Maklova, Teacher of Russian language and literature, School № 133 Samara, Postgraduate student of the Russian and Foreign literature and methods of teaching department.
E-mail: scorpio_34@mail.ru*